

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Предлагаемая вниманию читателей публикация — перевод третьей главы из книги известного экономиста, Нобелевского лауреата Жана Тироля «Экономика общего блага» (четвертая глава будет опубликована в одном из ближайших номеров*). Это обширный труд, тематика которого чрезвычайно разнообразна и охватывает как общие проблемы статуса экономики и экономического знания в жизни общества, так и более специальные макро- и микроэкономические вопросы. Помимо прочего Тироль рассматривает функции экономического знания, особенности современного экономического анализа и структуры научного сообщества. Он стремится ясно изложить видение этих тем с позиций академического экономиста и приводит множество конкретных примеров из академической, деловой и экономико-политической практики. Представляется, что такой ракурс будет особенно интересен читателям «Вопросов экономики». Редакция благодарит Издательство Института Гайдара за предоставление прав на предварительную публикацию глав книги, которая скоро выйдет в свет на русском языке.

Ж. Тироль

Экономист в общественной жизни

Публикуемый материал — третья глава книги «Экономика общего блага», в которой рассматривается статус академических экономистов как публичных интеллектуалов, исследуется, какие проблемы подстерегают их, если они участвуют в общественных дискуссиях, в консультировании органов власти или частного бизнеса, а также сделаны некоторые нормативные выводы относительно наилучшего для общества взаимодействия экономической науки и практики.

Ключевые слова: экономическая наука и политика, статус экономистов, академическая этика.

JEL: A11, A13.

Жан Тироль (jean.tirole@tse-fr.eu), председатель совета директоров Тулузской школы экономики, директор Института экономики промышленности (Тулуза, Франция).

* Поскольку это глава из книги, мы сочли необходимым оставить перевод таким, каким он появится в отдельном издании — с внутренними отсылками к другим частям книги. Надеемся, это не смутит читателей.

Эпоха рыцарства закончилась. Теперь преуспевают софисты, экономисты и те, кто хорошо считает, — слава Европы угасла навсегда¹.

Эдмунд Берк

Повсюду в мире экономическая наука отыскивает новые вопросы, поражает воображение и будоражит умы. Экономисты превращаются иногда в суперзвезд, но зачастую становятся объектами порицания и зависти. Экономисты — уже более двух веков назад низведенные в устах Эдмунда Берка, одного из основателей англосаксонского консерватизма, до уровня софистов² и тех, кто умеет хорошо считать³, — и по сей день воспринимаются частью сограждан с некоторой долей скептицизма. Все их обвиняют в том, что они мыслят одинаково. Но для чего вообще нужны были бы экономисты, если они не могли бы прийти к согласию ни по одному вопросу?

Экономисты одновременно польщены и чувствуют себя не в своей тарелке при таком внимании к их дисциплине. Они спасаются, находя убежище в абстракции или, напротив, отказываясь от этого маневра, спешат предоставить рекомендации в области экономической политики; они остаются в своей башне из слоновой кости или становятся советниками власть имущих; они работают в тени или ищут места под софитами масс-медиа. Зачем же нужны экономисты? Думают ли все они одинаково? Чем в точности занимаются? Какое влияние они оказывают на развитие нашего общества? Эти вопросы заслуживают отдельной книги, но они слишком важны, чтобы здесь не наметить ответы на них. Задача осложняется тем, что я сам участник этих дебатов. Таким образом, я оказываюсь перед выбором из двух крайностей, жертвами которых порой становятся ученые любых специальностей. Либо пойти по пути конформизма, потворствуя и повинувшись корпоративному духу, либо попытаться выступить в роли свободного и независимого мыслителя, завоевав репутацию работами в мейнстриме. Я пытался избежать этих двух ловушек, но право судить о результате остается за читателем.

Описывая будни университетского ученого-экономиста, малоизвестные широкой публике, я хотел бы также объяснить сложную взаимосвязь между научными исследованиями и их применением.

Экономист — публичный интеллеktуал

Профессия: ученый

Вне зависимости от дисциплины исследователь имеет возможность посвятить себя работе, в которой центральную роль играет внутренняя мотивация. Подавляющее большинство моих коллег — люди увлечен-

¹ Берк написал эти строки в 1793 г., откликнувшись на казнь Марии-Антуанетты.

² В обычном понимании этого термина: манипулятор, софист пытается убедить свою аудиторию, прибегая к аргументам связным, но в действительности ложным.

³ Высказывание Берка двусмысленно: имелось ли в виду, в свете обвинений в софизме, что те, «кто хорошо считает», — группа манипуляторов, действующая из расчета или из интереса? Или он хотел напасть на математиков, которых ставил не намного выше экономистов?

ные, «одержимые исследованиями», как любил говорить основатель Тулузской школы экономики Жан-Жак Лаффон. Это же можно сказать и о многочисленных исследовательских лабораториях во всех научных дисциплинах. Научное сообщество образует привлекательную рабочую среду, которая ни в чем не уступает рабочей среде других сообществ. Исследовательская деятельность отличается тем, что требует длительного времени, явно необходимого для ученого. Долгосрочная перспектива порождает сомнения, схожие с боязнью чистого листа у писателя, но также дарит моменты настоящих интеллектуальных переживаний. Великий французский ученый Анри Пуанкаре описывал ни с чем не сравнимое удовольствие от открытия (эта цитата выгравирована на медалях CNRS⁴): «Мысль — это лишь вспышка света посреди долгой ночи, но именно в этой вспышке все и заключено». Профессия ученого, несомненно, привилегированная, очень свободная и, в качестве «вишенки на торте», дарит яркие моменты, когда то, что было сложным и запутанным, внезапно становится простым и ясным. Помимо этого, как и любой преподаватель, исследователь, разумеется, обладает счастливой возможностью делиться своими знаниями.

Конечно, внутренняя мотивация не единственная движущая сила нашей деятельности. Ученые не отличаются от членов других социопрофессиональных групп: они реагируют на окружение и на стимулы, с которыми сталкиваются. Они осуществляют и организуют свою деятельность не только на основе внутренней мотивации, но и из стремления завоевать признание коллег и общества, сделать карьеру или получить власть либо финансовое благополучие.

Каждый исследователь стремится к признанию среди своих коллег, он также часто нуждается в общении с лучшими студентами, в облегчении условий своей работы и повышении уровня своего жизненного комфорта. Но чем ближе научная дисциплина к практическим приложениям, как в случае экономики, информатики, биологии, медицины или климатологии, тем большее значение приобретают внешние факторы: вознаграждения от частного или государственного сектора, уважение и дружба за пределами научных кругов, жажда внимания со стороны СМИ или стремление оказывать политическое влияние.

Мотивирующие факторы многочисленны и сложны, но в конечном счете природа мотивации не столь уж важна. Исследователь может развивать свою теорию, руководствуясь тщеславием, жадной наживы или соперничеством с соседом по офису; наиболее важными при этом остаются развитие науки и проверка достоверности знаний путем открытой критики.

Ученый и общество

(а) Период сомнений

ИмPLICITНЫЙ контракт между гражданином-налогоплательщиком и исследователем, остававшийся в силе в течение последнего полувека, все чаще ставится под сомнение. Можно предсказать, что исследователи,

---

⁴ Centre national de la recherche scientifique — главная научная организация во Франции.
Примеч. ред.

которые в прошлом демонстрировали отстраненное или даже непочтительное отношение к тем, кто финансирует систему, все больше будут сталкиваться с необходимостью обосновывать перед ними значимость своей работы. Мы живем в период недоверия со стороны широких масс к научной экспертизе в тех случаях, когда она касается конкретных областей — экономики, медицины, теории эволюции, климатологии или биологии. В подтверждение своих сомнений широкая общественность указывает на реальные оплошности научного сообщества, к примеру, внедрение на рынке лекарства Mediator или научную фальсификацию, связанную с несуществующими или сфабрикованными данными, во многих дисциплинах — от политической науки до биологии. Экономистов попрекают финансовым кризисом 2008 г. (В главе 12 я вернусь к этому кризису и к связанной с ним ответственности экономистов.)

Перед лицом этой критики можно было бы вернуться к основам профессии — к преподавательской и исследовательской работе. Однако такой уход в башню из слоновой кости не оправдан с точки зрения научного сообщества в целом. Страна нуждается в том, чтобы независимые эксперты принимали участие в общественной жизни и вносили свой вклад в дискуссии как в инстанциях, принимающих решения, так и в СМИ. Безусловно, это нужно делать сообща, так как не все исследователи имеют склонность к такому занятию. Некоторые ученые углубляются в разработку методов, специализируясь на фундаментальных исследованиях (даже если граница между фундаментальными и прикладными исследованиями довольно прозрачна). Будучи необходимым элементом в исследовательском процессе, они нередко испытывают больше затруднений, когда им приходится говорить о прикладных вещах, чем использующие их знания коллеги.

(б) Ученый и частный сектор

Сотрудничество между университетами и промышленностью — предмет постоянных разногласий. Умеренные критики считают, что взаимодействие с промышленностью сопряжено с риском, а радикальные видят в этом чуть ли не деградацию мысли, если не сделку с дьяволом. Сторонники сотрудничества возражают, что это взаимодействие обуславливает появление новых исследовательских тематик, позволяет частично восполнить разницу в заработках французских исследователей по сравнению с их коллегами в других странах, а в более общем смысле — улучшить конкурентные позиции университетской среды.

Другие формы взаимодействия за пределами университетских стен порождают те же споры. Столкновение с действительностью, вероятно, является одним из наиболее адекватных способов понять, какие проблемы стоят перед экономикой и обществом, как развивать и финансировать темы оригинальных исследований, о которых обитатели «башни из слоновой кости» и не подозревают. Так, лауреат Нобелевской премии по физике 2007 г. А. Ферт открыл эффект гигантского магнетосопротивления (ГМС), работая с компанией Thomson-CSF (сегодня Thales) по изготовлению многослойных магнитов, которые используются, в частности, при производстве считывающих головок жестких дисков компьютеров. Пьер Жиль де Жен, лауреат Нобелевской премии по физике 1991 г., ин-

тересовался прикладными исследованиями в промышленности. Я могу подтвердить влияние взаимодействия с государственными чиновниками и руководителями частных предприятий на мои исследования. По сути дела, многие работы, процитированные в научном отчете Королевской академии наук Швеции в октябре 2014 г., появились благодаря такому взаимодействию. Сообщество экономистов уделяет слишком много внимания узкоспециализированным, так называемым «интенсивным исследованиям», которые служат усовершенствованию существующих знаний, но пренебрегает фундаментальными темами, которые иногда бросаются, так сказать, в глаза практикам, потому что «экстенсивные исследования» в новых областях науки остаются недостаточно развитыми.

Конечно, стоит помнить и о рисках такого взаимодействия. Но эти контакты ценны с экономической и общественной точек зрения; именно поэтому они вполне допустимы и часто более развиты за границей, включая страны, где исследования достойно оплачиваются. Достаточно привести лишь пример патентов и стартапов, которые станут основным источником налоговых поступлений и занятости в будущем.

(в) Ученый и общественная деятельность

Задача ученого — способствовать развитию наших знаний. Во многих случаях (математика, физика частиц, зарождение Вселенной и т. д.) не надо беспокоиться о прикладных аспектах, лучше всецело сосредоточиться на поисках истины; возможности практического применения появятся позже, часто неожиданным образом. Даже в дисциплинах, наиболее близких к прикладным, необходимы исследования, движимые лишь жадой знания, каким бы ни был при этом уровень абстракции. Но ученые коллективными усилиями должны делать мир лучше; вследствие чего им не следует в принципе терять заинтересованности в делах общества. К примеру, экономисты призваны вносить вклад в улучшение отраслевого, финансового, банковского регулирования, способствовать охране окружающей среды и права на конкуренцию; они должны совершенствовать монетарную и фискальную политику; им следует размышлять о строительстве Европы, о том, как справиться с бедностью в развивающихся странах, как сделать политику в сфере образования и здравоохранения более эффективной и справедливой, как предупредить углубление неравенства и т. д. И они должны принимать участие в парламентских слушаниях, взаимодействовать с представителями исполнительной власти, участвовать в работе технических комиссий.

Исследователи обязаны исполнять свою социальную роль, обозначая позицию по тому или иному вопросу в рамках своей профессиональной компетенции. Как во всех других дисциплинах, в экономической науке речь идет о выполнении опасного для исследователей маневра. Некоторые области хорошо исследованы, другие — значительно хуже. Знания развиваются, и то, что кажется нам верным сегодня, может быть пересмотрено завтра; наконец, даже когда достигается консенсус, он никогда не повсеместен. В конечном счете экономист-исследователь может что-либо утверждать, исходя только из *текущего состояния своих знаний*, когда определенная концепция преобладает над какой-то другой. Само собой разумеется, этот принцип применим ко всем

предположениям, изложенным в этой книге. Такой подход не прерогатива экономиста: климатолог укажет на зоны неопределенности в установлении масштабов и причин климатических изменений, но также предоставит возможные сценарии развития в соответствии со своими текущими знаниями; профессор медицины выскажется относительно того, какой метод лечения определенной разновидности рака или дегенеративного заболевания он или она считает лучшим. Таким образом, ученый должен поддерживать зыбкое равновесие между скромностью и решительностью, уметь убедить собеседника как в полезности приобретенных знаний, так и в том, что они ограничены; это не всегда просто, поскольку о том, что кажется достоверным, всегда проще сообщить.

Участие в общественной жизни: подводные камни

Ученые, участвующие в общественной деятельности, движимы внутренней мотивацией, связанной с самой сущностью их профессии: приобретение новых знаний и их распространение. Но они реагируют также, напомним об этом, на внешние мотивирующие факторы: вознаграждение или признание публики более широкой, чем научное сообщество. Эти внешние стимулы не создают проблем, пока не влияют на научный процесс, но все же могут оказаться опасными.

Дополнительные выплаты

Первое искушение носит финансовый характер. Речь идет о теме, табуированной во Франции, несмотря на то что стремление повысить свою зарплату здесь особенно распространено: действительно, исследователь высокого уровня, занимающий пост в CNRS, Inra или в университете, зарабатывает намного меньше (иногда в 3–5 раз меньше), чем если бы он работал в странах с развитой наукой (в США, Великобритании или Швейцарии), где научное качество взаимодействия не страдает при более высокой заработной плате⁵. Принято считать, что научные работники не выбирают карьеру исследователя по финансовым соображениям; многие из них в действительности могли бы выбрать профессии более высокооплачиваемые, но избрали карьеру исследователя, исходя из личных предпочтений. Однако это не значит, что они не чувствительны к уровню своих доходов, тем более совсем не обязательно жертвовать интеллектуальным интересом в угоду лучшему вознаграждению. На практике, наряду с теми, кто довольствуется своей официальной зарплатой, подавляющее большинство ученых международного уровня дополняют свои доходы, используя различные

---

⁵ Недостаточность материального вознаграждения далеко не единственная причина низкой привлекательности нашей страны для ученых. Значительные пробелы наблюдаются и в других ключевых для ученого аспектах: неудобная структура управления, система оценивания, находящаяся пока в эмбриональном состоянии, нагромождение учреждений и источников финансирования и т. д. Автономия университетов и распределение крупных грантов в соответствии с логикой превосходства улучшают состояние дел, но остается еще пройти долгий путь.

способы, которые зависят от области исследований и вкусов ученого: однократные или регулярные курсы лекций, даже постоянная должность в зарубежном университете; создание стартапов; регистрация патентов; консультации для частных компаний или государственных организаций; партнерство (partnership) в аудиторской или консалтинговой фирме; написание популярных трудов (школьные учебники или книги для широкой публики); частная медицинская или юридическая практика; оплачиваемое одной из сторон участие в антимонопольных процессах или в переговорах с регулируемыми инстанциями; участие в административных советах; написание оплачиваемых колонок в газетах; конференции для публики, близкой к миру экономики, и т. д.

Некоторые называют это «черной работой» и осуждают «терпимость» университетов, CNRS и других государственных научных и научно-технических учреждений (Inra, Inserm...) в отношении этих практик. Из соображений, приведенных мною, и не только потому, что я исхожу из собственной повседневной практики университетского исследователя и преподавателя, я не разделяю эту точку зрения: такого рода деятельность очень часто приносит пользу обществу. Более того, в случае Франции это цена, которую наша страна должна платить за сохранение лучших ученых в эпоху, когда они, в отличие от их старших коллег, полностью интернационализированы и абсолютно мобильны. Лицемерие по этому поводу наблюдать прискорбно, но оно особенно тревожит, когда речь идет о поддержании Франции в ранге крупной научной державы, готовой ответить на экономические вызовы XXI в.

При этом безответственно было бы игнорировать две опасности, которыми чревата сторонняя деятельность. В первую очередь, такого рода побочная активность может сократить время, посвященное профильному труду — исследованиям и преподаванию. Это возможное отклонение не кажется мне серьезной проблемой при условии, что существует практика независимой экспертизы (которая не всегда поддерживается во французских научных кругах, но принята во всем мире). Исследователь, который занимается сторонней деятельностью в ущерб своим научным исследованиям и в течение долгого времени не публикуется в крупных международных научных изданиях, не должен пользоваться теми же возможностями в смысле зарплаты, преподавательской нагрузки (количество часов) и в общем — теми же условиями труда, что и его коллеги, оставшиеся верными своему предназначению. Оценка преподавателя студентами также всегда казалась мне имеющей решающее значение, даже при наличии свойственных ей недостатков (иногда склонные к демагогии преподаватели получают более благосклонные отзывы, чем их коллеги, строго выставяющие оценки и высказывающие непопулярные мнения). К сожалению, противники сторонней деятельности часто также отказываются от принципа независимой оценки. Более существенным мне представляется риск «коррупции» в научной деятельности и, вследствие этого, чрезмерной зависимости ученого от материальных стимулов. В частности, ученый может поменять свое мнение по отношению к предприятию или администрации, которая ему платит или предоставляет в его распоряжение исследовательский бюджет. Мы вернемся к этой теме.

Искушение средствами массовой информации

Ученый может также поддаться соблазну медийной активности, будь то из плохих или хороших побуждений. Самолюбие тешится, когда видишь свое имя и лицо на страницах журналов или на экране телевизора. Однако при демократическом режиме важно, чтобы доступ к экспертизе не был зарезервирован для небольшой группы элиты, близкой к интеллектуальным кругам, и предпочтительно, чтобы эксперты выражали свое мнение публично. Будь то для удовлетворения их самолюбия или для достижения общественного блага (повторяю: результат важнее, чем мотивация), многие ученые регулярно выступают в СМИ.

Однако масс-медиа не являются нормальной средой обитания ученого. Его отличительная особенность, «генетическая» натура — способность все подвергать сомнению. Неуверенность — благодатная почва для исследований. Привычка ученых приводить аргументы и контраргументы — то, чем они систематически занимаются в специализированных статьях или во время семинаров или лекций, — не всегда по нраву лицам, принимающим решения, которым необходимо быстро составить мнение. «Найдите мне однорукого экономиста!» — воскликнул президент Трумэн, который больше не мог выносить экономистов, рассуждающих, что «*on the one hand*» (с одной стороны) может произойти одно, но «*on the other hand*» (с другой стороны) — может произойти другое. Однако еще меньше научная аргументация адаптирована к стандартному формату аудиовизуальных дебатов. Слоганы, краткие высказывания (*sound bites*), клише — все это доступнее для восприятия, чем сложные рассуждения и анализ многочисленных эффектов; слабые аргументы трудно опровергать, не прибегая к доказательствам. Чтобы преуспеть, часто приходится поступать, как в политике: высказаться в коротком сообщении, можно даже сказать в упрощенном, и настаивать на нем. Прошу правильно меня понять: ученый не должен прятаться за своей неуверенностью и своими научными сомнениями, он должен, насколько это возможно, вынести суждение; для этого ему следует преодолеть свою врожденную натуру и научиться вести себя с учетом ситуации, убедить себя, что в сложившихся обстоятельствах некоторые механизмы действуют с большей вероятностью, чем другие: «Исходя из актуальных на данный момент научных знаний, я считаю нужным рекомендовать...». Он должен поступать, как врач, выбирающий тот или иной способ лечения, даже если у него как у ученого остаются сомнения по этому вопросу.

Но здесь возникает еще один вопрос: ведь если научные знания эволюционируют, естественно менять точку зрения. Интеллектуалы, принимающие участие в общественном обсуждении актуальных идей, часто настаивают на своем мнении, чтобы не выглядеть «флюгером», подчиняющимся движению ветра. Конечно, такая интеллектуальная блокировка вследствие выбора определенной позиции существует и в академических кругах, но постоянный критический анализ исследований во время семинаров и конференций по всему миру и необходимость публиковаться в анонимно рецензируемых научных журналах (я к этому еще вернусь) облегчают пересмотр позиций.

Более того, хотя медийные выступления и получают широкое освещение в комментариях, блогах и других средствах массовой информации, они не находят такого же отклика у коллег, за исключением высказываний в легком, «популистском» стиле, так сказать, «за чашкой кофе». Как и в случае оплачиваемых побочных видов деятельности, ученые, к сожалению, нередко продвигают в средствах массовой информации точку зрения, которую они никогда не осмелились бы отстаивать или быстро скорректировали бы во время семинара или в специализированных научных изданиях.

Наконец, сотрудничество с масс-медиа ставит ученого в положение, когда он высказывается на темы, в которых не является специалистом, ведь исследователь не может быть специалистом во всем, включая даже область его собственных исследований (склонность выходить за пределы своей компетенции иногда называют «нобелевским синдромом»!). Нелегко сказать: «Я отказываюсь отвечать, мне нечего сказать по этому поводу». В таком случае следует стремиться к сложному равновесию: нужно ли отвечать, если вы не специалист в этом вопросе, но располагаете некоторыми отрывочными знаниями, полученными в разговоре с другими учеными или почерпнутыми во время чтения справочной литературы? Или если ответ напрашивается просто исходя из здравого смысла?

Притягательность политики

По мнению Платона, философ, мало озабоченный организацией общественного устройства и бесполезный в глазах сообщества простых смертных, свободен, в отличие от политического деятеля, находящегося в постоянном соприкосновении с общественной жизнью. Напротив, в давней французской традиции возвеличивается «ангажированный интеллеktуал». Я не хочу бросать камни в ученых, или в более общем смысле — в интеллектуалов, которые занимают ту или иную политическую позицию; многие делают это в силу убеждений. И многие делают это хорошо. Более того, такая ангажированность может побудить исследователя обратиться к направлениям, которые доселе игнорировались. Но, по-моему — и я подчеркиваю, что речь идет о моем личном мнении, — понятие ангажированного интеллектуала может оказаться сомнительным по трем причинам.

Во-первых, ученого, выступающего с заявлениями политического характера, быстро относят к той или иной категории («левый», «правый», «кейнсианец», «неоклассик», «либерал», «антилиберал»), что помимо его воли усиливает доверие или недоверие к его высказываниям. (Как если бы роль исследователя, какой бы ни была его дисциплина, состояла не в том, чтобы создавать знания, отказываясь от всякой предвзятости.) Аудитория быстро забудет суть аргументации и сделает выводы на основе своих политических убеждений — суждения, которые будут благоприятными или неблагоприятными в зависимости от того, как аудитория воспринимает ученого — как одного из своих или оппонента. В таком случае участие ученого в публичных дебатах во многом теряет свою общественную пользу. Довольно трудно противиться вовлечению в политические игры, даже против собственной воли: к примеру, если какая-либо

тема научно-технического характера послужила камнем преткновения в споре между большинством у власти и оппозиционным меньшинством, то всякое суждение по этому вопросу быстро интерпретируется как констатация занятой ученым политической позиции. Навешивание ярлыков политической принадлежности может произвольно затемнить смысл высказывания и препятствовать просвещенной дискуссии.

Во-вторых, будучи ангажированным, интеллектуал рискует потерять свободу мысли. В качестве особенно вопиющего примера можно привести ослепление, сопровождавшееся отрицанием очевидного, со стороны многих французских интеллектуалов и деятелей искусства перед лицом тоталитаризма, в частности советского, маоистского и кубинского. Не то чтобы эти интеллектуалы поддерживали лишение свобод, геноцид, нерациональность использования экономических и экологических ресурсов или преследование новаторства в сфере культуры. Напротив, тоталитаризм порождал все, что было ненавистно интеллектуалам, но ангажированность лишила их критического духа и свободы. Конечно, можно равным образом привести пример многочисленных интеллектуалов, не поддавшихся очарованию сирен «прогресса», например Альбера Камю или Раймона Арона, и между прочим большую часть известных экономистов, но в целом моральное состояние французской интеллигенции в этот трагический эпизод истории все же поразительно. Сегодня, конечно, немногие интеллектуалы стали бы ударяться в подобные крайности, но этот опыт остается нам уроком: политическая ангажированность создает риск заикленности на одних и тех же убеждениях, скорректировать которые значило бы разочаровать своих коллег или свою аудиторию в средствах массовой информации.

Наконец, как и в случае с медиа, взаимоотношения ученых и политиков не так просты, даже если многие политики демонстрируют некоторую интеллектуальную любознательность. Время, отведенное исследователю, не есть время, отведенное политику, и так же различаются соответствующие их образу деятельности ограничения. Роль исследователя — анализировать существующее положение вещей и предлагать новые идеи в условиях полной свободы и без ограничений, связанных со срочностью получения результата. Жизнь политика по необходимости сиюминутна, он находится под давлением требований электората. Это различное отношение ко времени, связанное с разными побудительными мотивами, не может оправдать глубокое пренебрежение по отношению к политическому классу⁶. Но если ученый и обязан помогать политику принимать решения, обеспечивая его инструментами для анализа, то он не должен заменять его.

Ловушка навешивания ярлыков

Я возвращаюсь к наклеиванию ярлыков на исследователей. Экономист, подобно любому ученому, должен следовать туда, куда ведут его теории и факты, вне каких-либо интеллектуальных ограничений. В частной жизни он, конечно, остается таким же гражданином, как

---

⁶ Анализ государства дан в главе 6.

и все, он имеет собственное мнение и примыкает к тем или иным движениям. Но как только его характеристики (приверженность определенным политическим идеям или «школе» экономической мысли) становятся достоянием общественности, их относят к той или иной категории и ученый предстает как человек, поступившийся научной последовательностью в угоду личным интересам: медийным, политическим, идеологическим, финансовым, профессиональным и т. д.

Еще более коварным образом эти ярлыки могут навести на мысль о том, что в экономической науке нет консенсуса и ее изучением можно безболезненно пренебречь. Однако не следует забывать, что экономисты высокого уровня (сколь бы ни разнились их личные убеждения) достигают согласия по многим вопросам, по меньшей мере относительно того, чего не нужно делать, хотя и совершенно расходятся во мнениях о том, что делать нужно. И это замечательно, так как если бы преобладающее мнение не сформировалось, было бы трудно обосновать финансирование экономических исследований, несмотря на колоссальные проблемы нашего общества в области экономической политики. Однако такие исследования и дебаты затрагивают — что характерно для исследовательской деятельности — темы, которые в меньшей степени понятны экономистам и по которым можно достичь лишь частичного консенсуса. Само собой разумеется, что такой консенсус может и должен меняться по мере развития дисциплины.

Необходимое взаимодействие и ограничения

Не существует идеального решения задачи регулирования отношений ученого за пределами академической среды. Но некоторые практики могут структурировать эти отношения таким образом, чтобы сделать их более прозрачными, не препятствуя при этом плодотворному синергетическому сотрудничеству.

Варианты индивидуального поведения

Подобно любым другим профессиям, личная этика ученых оказывает влияние на их поведение. Можно предложить два основных правила: 1) обсуждать идеи, никогда не переходя на личности (не использовать аргументацию *ad hominem*); 2) никогда не говорить о чем-либо, что не готов отстаивать перед коллегами в аудитории или на конференции. Этический кодекс позволяет также напомнить ученому о некоторых основополагающих правилах, касающихся прозрачности данных и используемых методов, а также о потенциальных конфликтах интересов. Конечно, трудно четко определить, что есть конфликт интересов, как мы уже видели, эти конфликты принимают различные формы и сильно зависят от контекста. Нелегко определить долг ученого, когда его исследования используются третьими сторонами без учета ограничений, сформулированных в его работах: где же тогда заканчивается ответственность ученого? В конечном счете этические принципы, идет ли речь о нормативном уставе или о простых правилах

личного кодекса поведения, остаются неустойчивыми и размытыми, потому что они скорее относятся к духу, а не букве, которая неизбежно несовершенна. Однако эти этические принципы должны играть ключевую роль и решительно отстаиваться профессиональным сообществом.

Институциональные партнерства

Партнерства, которые заключаются группой исследователей, лабораторией, университетом или высшей школой, с одной стороны, и частной или общественной организацией — с другой, также должны подчиняться определенным правилам. Перед этими научными организациями стоит непростая задача: сохранить полную свободу исследования на фоне возможного невозобновления финансирования со стороны частного или государственного партнера. При этом должно удовлетворяться вполне обоснованное требование партнера, чтобы финансируемые исследования лежали в области его интересов. Самые крупные университеты мира сталкиваются с этими задачами и решают их в целом успешно (работая в США, в МИТ, в начале моей карьеры, я могу засвидетельствовать, что американские университеты создают для своих исследователей необычайное пространство интеллектуальной свободы). Это непростая тема, и возможны разные модели.

Я ограничусь здесь описанием нескольких идей, не претендуя на их универсальность. Приведу шесть факторов независимости: совпадение мнений по поводу цели контракта и его условий, долгосрочность перспективы, диверсификация партнерств, право свободно публиковаться, оценка работ крупными международными изданиями и независимое управление.

Выяснение способов взаимодействия перед вступлением контракта в силу способствует выгодному «положительному отбору»: партнеры, которые принимают условия договора, «по определению» выражают готовность играть по этим правилам. Долгосрочная перспектива, соответствующая ритму проведения исследований, способствует независимости и обеспечивает достоверность результата: в средне- и долгосрочной перспективе авторы публикаций на злобу дня часто бывают дискредитированы. Диверсификация контрактов с различными партнерами также является залогом независимости, позволяет удачнее противодействовать навязыванию предвзятых мнений. Напротив, зависимость от одного или нескольких акторов увеличивает риск уступить давлению.

Право исследователя свободно публиковаться не требует комментариев. Однако следует настаивать на том, чтобы работы оценивались крупными международными научными изданиями — процедура, очевидно малознакомая читателю. Так называемые рецензируемые журналы используют процедуру оценки коллегами. Статья, отправленная в журнал, попадает к нескольким специалистам в конкретной области, к рецензентам, те готовят отчет для редактора издания, который затем передает в анонимной форме эти рецензии автору статьи вместе со своим решением относительно публикации работы. Анонимность рецензентов — решающий фактор: в силу личной заинтересованности, рецензенты были бы слишком доброжелательны, если бы автор знал рецензентов!

В большинстве академических областей научные журналы классифицируются по качеству⁷. К примеру, в экономической науке пять наиболее востребованных научным сообществом журналов общего профиля⁸ одновременно в высокой степени избирательны при выборе статей для публикации (к публикации принимается всего 5–10% статей); статьи, которые в них опубликованы, также имеют самые высокие индексы цитирования. Затем следуют лучшие научные журналы в определенной области и т. д. Все они прибегают к помощи рецензентов, работающих во всем мире.

С одной стороны, оценка крупными международными изданиями напоминает ученых о конечной цели партнерства: проведении пионерных исследований в новых проблемных областях. С другой стороны, повторюсь, ученый, каким бы мотивом он ни был движим — финансовым, масс-медийным, политическим или просто дружеским, может развивать аргументацию, которую он никогда не осмелился бы отстаивать — или от которой быстро бы отказался — в академических кругах. Поощрение публикации в лучших научных изданиях — это проверка: предвзятость при сборе и обработке данных или в теоретическом анализе в угоду структуре, финансирующей исследования, с высокой вероятностью будет распознана соответствующим научным журналом. В долгосрочной перспективе обязательство публиковаться действует как элемент интеллектуальной дисциплины.

Наконец, следует создавать внешние контролирующие инстанции, готовые вмешаться, если имидж научной организации может быть запятнан краткосрочными решениями: независимый совет директоров (ученый не может выступать и как участник разбирательства, и как судья) и ученый совет, полностью представленный сторонними участниками, который, в дополнение к проверке публикациями, выносит суждение о научной состоятельности институции и информирует об этом совет директоров.

От теории к экономической политике

В заключение этой главы мне хотелось бы поделиться некоторыми соображениями личного характера (которые поэтому очевидно немного идиосинкратичны) о том, каким образом идеи «встраиваются» в концепции публичной политики. Кейнс описывал влияние экономистов таким образом: «Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад»⁹. Видение мрачноватое, но недалеко ушедшее от реальности... Ученый, какой бы ни была его специализация в экономической науке, может влиять на экономико-политические дебаты и на выбор конкретных действий двумя способами (не существует единственно верной модели, и каждый поступает, следуя собственному темпераменту). Первый способ заключается в том, чтобы самостоятельно принимать активное участие в политике;

⁷ См. главу 4.

⁸ American Economic Review, Econometrica, Journal of Political Economy, Quarterly Journal of Economics, Review of Economic Studies.

⁹ Цитата из труда «Общая теория занятости, процента и денег» (1936).

и хотя некоторые, переполненные энергией, преуспевают в этом, очень редко исследователь может продолжать полноценную научную работу и одновременно активно участвовать в политических дискуссиях.

Второй способ носит косвенный характер: работы ученого читают экономисты из международных организаций, министерств или предприятий, которые затем используют их в своей деятельности. Иногда используемые работы — это исследовательские статьи довольно технической направленности, опубликованные в научных журналах; иногда это изложение работ для широкой публики.

Что касается меня, то, как и многие другие исследователи, задействованные в общественной жизни, я всегда выбирал средний путь, который позволял мне сочетать исследовательскую и преподавательскую деятельность в Тулузе с работой в Совете экономической аналитики (независимая организация при премьер-министре), а также время от времени принимать участие в работе центральных банков, регулирующих инстанций, антимонопольных органов и международных организаций. Но невозможно переоценить роль, которую практики, хорошо владеющие результатами экономических исследований, играют в распространении экономических идей.

Технический характер микроэкономических дискуссий, касающихся политики поддержки конкуренции, пруденциального банковского надзора или регулирования сетевых отраслей, не препятствует распространению экономических идей в процессе принятия экономических решений. В действительности, право принимать решения в этих областях часто доверяется независимым инстанциям (учреждениям, регулирующим конкуренцию, центральному банку, отраслевому регулятору...). Эти организации в значительно меньшей степени, чем министерства, ограничены в своем выборе, им легче обосновать его техническими и экономическими соображениями. Следовательно, переход от идей к действию теперь осуществляется несколько быстрее, чем во времена Кейнса.

*Перевод с французского
И. Шевелевой и А. Поповой*

An economist in the public space

Jean Tirole

Author affiliation: Toulouse school of Economics (Toulouse, France).

Email: jean.tirole@tse-fr.eu

This third chapter of the book “The economy of the common good” considers the status of academic economists as public intellectuals. It discusses the pitfalls economists face when engaging in public debates, in providing expertise for businesses or governments. It also makes some normative claims as to the socially best form of interaction between economics and practice.

Keywords: economics and policy, status of economists, academic ethics.

JEL: A11, A13.